

ИГОРЬ ВОРОНИН

Понимать надо!

ОЧЕРКИ И РАССКАЗЫ

Игорь Воронин
Понимать надо!
Очерки и рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23305800

ISBN 9785448391941

Аннотация

Безыскусные размышления о прошлом, настоящем и будущем. Очерки о русских публицистах прошлого. И рассказы о настоящем. С думой о будущем.

Содержание

Очерки	5
Паралич воли	5
Лев Тихомиров как пример для русской интеллигенции	10
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Понимать надо!

Очерки и рассказы

Игорь Воронин

© Игорь Воронин, 2017

ISBN 978-5-4483-9194-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Очерки

Паралич воли

Если рассматривать восстановление Монархии в России только как акцию политическую (а такие попытки уже предпринимаются), то неудачи сторонников этого действия вряд ли могут быть объяснимы. Идея просто единоличной власти во многом сродни тоталитарному режиму, из которого нынешнее российское общество выросло или вырастает, и она ненамного сложнее, чем примитивная демократическая доктрина, укрепившаяся пока на политическом Олимпе вновь полуязыческой России.

Всё более или менее встает на свои места, когда мы начинаем говорить о восстановлении Православного Царства и связанным с ним представлением о Богоданности Законной власти. Здесь ситуация меняется в корне: что такое Православное Царство, и какая власть законна – ответить на эти вопросы правильно подавляющее большинство русских людей, не говоря уже о всех прочих россиянах, сегодня не в состоянии. И страшно не то, что не могут ответить, потому что не знают, а то – что и знать не хотят!

Это нежелание знать истину (упоминаемое в ряде пророчеств как одно из качеств людей, живущих в предантихри-

стовы времена) проявляется буквально во всем, и в первую очередь – в делах веры. Если в эпоху Святой Руси (которая единственная может быть нашим идеалом) православный русский человек готов был до смерти отстаивать чистоту Истинной Веры, то сегодня многие, считающие себя православными, не порицают даже совместных молений с еретиками.

Формальная исповедь, крещение неготовых к этому людей, венчание и отпевание некрещеных, как бы ни было горько об этом говорить, стали обыденным явлением. Лишь редкие голоса верующих возвышаются до открытого обличения... Перечень этих печальных фактов каждый может продолжить сам. Наконец, православное учение о Помазаннике Божиим воспринимается многими как некий анахронизм.

Причин этому много, и на одну, немаловажную, хочется указать. Сегодняшний православный русский человек более «советский», чем русский. Относится это, в большей или меньшей степени, ко всем нам. Как это ни странно, но говоря о создании новой общности людей под названием «советский народ», коммунисты не лукавили и не выдавали желаемое за действительное, а констатировали факт. Характерной же чертой этой общности стало явление, которое можно назвать всеобщим параличом воли, включающем в себя и нежелание знать истину, а иногда и просто «веру лжи» (2 Фес. 2, 11), и чувство стадности (коллективизма) взамен духовного единства, и даже некоторую природную

одержимость. Человек с парализованной волей, человек, верящий лжи, изначально не расположен верить в Бога, ибо вера эта – акт воли, а Бог есть Истина. Отсюда – патологическое безбожие советских людей. Давно известно, что безвольный человек, в отличие от волевого, склонен не к вере, а к суеверию, поэтому совершенно неудивительна сегодняшняя «страсть общества» к экстрасенсам, колдунам, гороскопам и НЛО.

Равнодушием (или безволием) отмечено и участие, а точнее будет сказать – неучастие современных русских людей в политической жизни. Но, возразят мне, и во времена Святой Руси православный русский человек политикой не занимался. Это утверждение может показаться верным только при поверхностным взгляде на то, что такое политика. Выдающийся русский ученый И. А. Ильин в своей книге «Путь к очевидности», разбирая сущность вопроса «что есть истинная политика?», писал следующее:

«Политика есть прежде всего служение – не «карьера», не личный жизненный путь, неудовлетворения тщеславия, честолюбия и властолюбия... И пусть не говорят нам, что «большинство» современных политиков смотрят на дело «иначе»: если это так, то все беды, опасности и гнусности современной «политики» объясняются именно этим.

Служение предполагает в человеке повышенное чувство ответственности и способность забывать о своем личном «успехе-неуспехе» перед лицом Дела.

Истинное политическое служение имеет в виду не отдельные группы и не самостоятельные классы, но весь народ в целом. Политика по существу своему не раскалывает людей и не разжигает их страсти, чтобы бросить друг на друга; напротив, она объединяет людей на том, что им всем общее».

Исходя из таких представлений, Святая Русь именно политикой и занималась. Все перечисленные Ильиным элементы налицо: и служение, и ответственность, и забвение личного – как у Государя, так и последнего поданного. И наконец, главное – объединяющее «весь народ в целом» дело – Дело спасения души через Православную Церковь, защиты Истинной Веры как от расколов и ересей, так и от нашествия иноверцев.

В современной же российской политике «вверху» мы имеем те самые безответственность, тщеславие, честолюбие и властолюбие, и, как следствие, гнусность. А «внизу» – опять же безответственность (например, при голосовании на выборах) или вопрос «чем это обернется для меня лично?» в качестве мотива при том же голосовании. И общее для «верхов» и «низов» – отсутствие Дела и реального, не на словах, объединения. Сверху до низу – полная противоположность истине.

Отсутствие воли заметно даже в таком сугубо материальном вопросе, как хозяйственная деятельность. Само слово «предпринимательство» подразумевает деятельность, желание действовать, т. е. волю. Поэтому, казалось бы, логич-

но предположить, что все предприниматели ею обладают. Однако стремление основной их массы действовать, мягко говоря, нечестно (уклонение от налогов, спекуляция, срастание с криминальными структурами) обусловлено как раз безволием и порожденной им беспринципностью, стремлением идти по пути наименьшего сопротивления.

Подводя грустный итог, хочется отметить, что все вышеизложенное еще не приговор, а только попытка диагноза. К сожалению, история не знает примеров не то что излечения, но даже выживания безвольных наций, народов или «общностей». Впрочем, каждому человеку в отдельности это вполне по силам, и если мы сначала поодиночке осознаем себя русскими, то не исключено, что придет и общее осознание себя как нации. Это и будет первый шаг...

Лев Тихомиров как пример для русской интеллигенции

Кажется, давно уже подмечено, что характеристика, которую один великий человек дает другому, зачастую в меньшей степени может быть отнесена к нему самому). Л. А. Тихомиров, определяя в своей работе «Русские идеалы и К. Н. Леонтьев» славянофильство как «первую попытку русской мысли сформулировать, что такое русский человек» и отмечая, что «работа русского самосознания на славянофильстве не остановилась», называет в качестве бесспорных имен, уже тогда вошедших в историю русского самосознания, Каткова, Достоевского и Данилевского. «В числе их, – продолжает Тихомиров, – ждет своего признания К. Н. Леонтьев. И, конечно, когда он будет вполне понят, он будет поставлен на одно из первых мест». Представляется несомненным, что в числе первых должен быть и сам Тихомиров.

В нынешнем году исполняется 90 лет со времени выхода в свет его капитального труда «Монархическая Государственность» (по праву называемого «библией монархиста»). Но это лишь «информационный повод» для написания данного очерка – жизнь и деятельность крупнейшего идеолога русской национальной идеи стоят того, чтобы о них вспоминали и вне связи с какой-то круглой датой.

1. Грех

«Советский энциклопедический словарь» (изд. 1937 г.) сообщает о нем следующее: Тихомиров Лев Ал-др (1852—1923), рев. народник, публицист, впоследствии ренегат. Чл. кружка «чайковцев», «Земли и воли», Исполкома «Народной воли», ред. народовольч. изданий, с 1882 предст. Исполкома за границей. Позднее отошел от рев. деятельности. В 1888 подал прошение о помиловании. По возвращении в Россию (1889) – монархист».

По сути, все правильно – если опустить двусмысленность «ренегата» и несоответствие подробного описания первой половины жизни Тихомирова и замалчивания второй.

Но и о начале жизненного пути Льва Александровича можно добавить некоторые подробности. Несмотря на скудость сведений, все же известно, что родился он 19 января 1852 года на Кавказском побережье Черного моря, в военном укреплении Геленджик, в семье военного врача. По окончании курса Керченской Александровской гимназии, осенью 1870 г. поступил на медицинский факультет Московского университета, пойдя по стопам отца, Александра Александровича, который в свое время, вопреки родительской воле, после окончания семинарии поступил не в Духовную академию (предки Тихомирова по отцовской линии были священнослужителями), а в Военно-медицинскую.

Меньше чем через год 19-летний Лев Тихомиров уже член

кружка Н. Чайковского (т.н. «чайковцы» – крупнейшая в начале 70-х гг. XIX в. революционная организация, руководителю которой было едва ли 20 лет). «С ранней юности, – вспоминал впоследствии Тихомиров, – я усвоил себе... мирозерцание, которое тогда господствовало в „прогрессивных“ слоях русского общества. Как и все, я воспринял эти взгляды еще тогда, когда не имел никаких самостоятельных наблюдений жизни, никакой самостоятельности критики, да не имел еще и достаточно созревшего для работы ума... Как и все зараженные „прогрессивным“ мировоззрением я узнал жизнь сначала по книгам».

В те поры его популярность среди кружковцев обуславливалась, в основном, авторством «Сказки о четырех братьях» – нечто вроде переложения в прозе некрасовской поэмы «Кому на Руси жить хорошо», тем же псевдонимным стилем, с тем же указанием на главных врагов мужика – Царя, попов и помещиков, и с нескрываемым призывом к бунту.

Затем «изучение жизни по книгам» продолжилось в Петропавловской крепости. В 1873 г. в Петербурге, куда он приехал «на пропаганду), Тихомиров был арестован наряду со многими другими юными революционерами. В ожидании суда (известного как «процесс 193-х») он провел в заключении более четырех лет.

Сегодня в правых кругах стало модно говорить об излишней мягкости Самодержавия по отношению к революционе-

рам-заговорщикам!.. Но кто знает, как бы сложилась судьба Тихомирова, если бы первое и единственное наказание суда не было для него столь символическим – высылка под административный надзор по месту жительства родителей.

Однако пока его действия не предвещали ничего хорошего. Освобожденный в январе 1878 г., он в октябре того же года скрывается от надзора полиции и переходит на нелегальное положение.

В «Земле и воле» Тихомиров уже довольно зрелый и главное, активный революционер, заслуживший подпольную кличку Тигрыч. Идеолог бунта и террора, он входит в состав редакции издания «Земля и воля», одно время даже являясь главным редактором. После образования в 1879 г. «Народной воли» Тихомиров вместе с печально знаменитыми С. Перовской, А. Желябовым, А. Михайловым и др. составляет Исполнительный комитет партии. Он редактирует партийный печатный орган, готовит программные документы. В частности, он считается автором последней редакции программы Исполкома «Народной воли», где были и такие слова; «Террористическая деятельность, состоящая в уничтожении наиболее вредных лиц правительства, в защите партии от шпионства, в наказании наиболее выдающихся случаев насилия и произвола со стороны администрации, правительства и т.п., имеет своей целью подорвать обаяние правительственной силы давать непрерывное доказательство возможности борьбы против правительства, поднимать таким обра-

зом революционный дух народа и веру в успех дела и, наконец, формировать годные к бою силы» В этой же программе и социализм и «свобода, равенство и братство», и «демократический политический переворот, как средство социальной реформы», и даже: «всякое средство, ведущее к цели, мы считаем дозволенным».

От женитьбы на Перовской Господь Бог его уберег, и летом 1880 г. Тихомиров обвенчался с Екатериной Дмитриевной Сергеевой

Вскоре Исполнительный комитет приступил к разработке плана цареубийства, участием в подготовке к которому запятнал себя и Тигрыч. Видимо, благодаря особым способностям к конспирации он оказался единственным из старых руководителей «Народной воли», избежавшим ареста после 1 марта 1881 г. Уже через несколько дней после совершившегося злодеяния, 10 марта, Тихомиров от имени Исполкома разгромленной партии обращается к новому Императору – Александру III – с ультимативной прокламацией: «Ваше Величество! Кровавая трагедия, разыгравшаяся на Екатерининском канале, не была случайностью и ни для кого не была неожиданной... Окидывая беспристрастным взглядом пережитое нами десятилетие, можно безошибочно предсказать дальнейший ход движения, если только политика правительства не изменится... Страшный взрыв, кровавая перетасовка, судорожное революционное потрясение всей России завершит этот процесс разрушения старого порядка. Из такого

положения может быть два выхода: или революция, совершенно неизбежная, которую нельзя предотвратить никакими казнями, или добровольное обращение верховной власти к народу...». Под обращением власти к народу понималось не больше, не меньше, как Учредительное собрание. Сам К. Маркс назвал авторов письма (он не знал, что автор один) «реальными политиками».

После такого циничного демарша Тихомиров пробовал воссоздать организацию, но безуспешно. Наконец, оставив двух дочерей на попечение родителей, он вместе с женой отправляется за границу. Там он сходитя с П. Лавровым, и они пытаются организовать группы из эмигрантов для руководства революционным движением в России. Тихомиров редактирует «Вестник Народной Воли» (с 1883 по 1886 г. вышло шесть номеров), принимает и инструктирует начинающих «народников». «За исключением, может быть, Лаврова, не было ни одного человека, кому «радикальная» молодежь верила более, нежели мне», – не скрывал он впоследствии. «Если мы отбросим все наговоры и неточности, – писал Тихомиров В. К. Плеве (тогда – сенатор и товарищ министра внутренних дел) 7 августа 1888 г. – остается все-таки факт, что в течение многих лет я был одним из главных вожakov революционной партии, и за эти годы, сознаюсь откровенно, сделал для ниспровержения существующего правительственного строя все, что только было в моих силах».

И тем не менее, всю свою жизнь после 1888 г. он посвятил

борьбе с теми идеями, которым он отдал первые 17 лет своей «общественной» деятельности.

2. Покаяние

«Почему о Льве Тихомирове до сих пор не написан роман? – восклицает в начале своего очерка автор наиболее полной биографии ведущего теоретика монархической идеи В. Маевский. – Если бы Достоевский прожил еще несколько лет, ему не удалось бы уйти от соблазна этой темы. Лев Тихомиров не только исключительно интересный образ смятенной души, не только яркая жизнь, но именно тема, замечательная фабула...»

Опубликование Тихомировым в 1888 г. брошюры «Почему я перестал быть революционером» произвела сенсацию. Еще бы: находящийся в эмиграции известный революционер-террорист, убежденный противник «царизма» вдруг становится его сторонником. Не очень умные бывшие «товарищи» даже приписывают совершившееся сумасшествию Тихомирова. Вот, к примеру, разглагольствования В. Фигнер: «Постоянное напряжение воли, столкновения в среде эмигрантов и революционные несчастья, постигавшие в России и за границей все начинания, в конец расшатали его нервы... В этом состоянии отчаяния и распада все суеверия его предков, запрятанные в темных закоулках бессознательного, выплывают из глубин, оживают и завладевают им: он больше уже не атеист, он ищет Бога, ищет указания с небес... Он положительно болен – психически болен...».

Между тем, в статье, вызвавшей далеко не однозначную реакцию в самых широких кругах интеллигенции, Тихомиров вполне здраво объясняет причины своего перерождения. Он «перестал быть революционером», потому что революция – что разрушение, потому что она направлена не на благо России, потому что она предполагает терроризм, потому что революционное мировоззрение чуждо реальности. Наконец, потому что процветание России возможно только при Монархии.

«Всякий русский человек, – писал Тихомиров, должен признать установленную в России власть и, думая об улучшениях, должен думать о том, как сделать их с Самодержавием, при Самодержавии». Он пришел к выводу, что России необходима именно сильная монархическая власть – в связи с «не законченными национальными задачами и с множеством внутренних неудовлетворенных запросов».

Недавний «идеолог бомбы» осознает, что терроризм воспитывает полное презрение к обществу, к народу, к стране; воспитывает дух своеволия, несовместимый с нормальным общественным устройством, и так определяет теперь суть идеи террора – «анархическое всевластие личности и презрение ко власти общества». «У нас это революционное разрушение составляет веру, надежду, обязанность каждого доброго радикала. Все, что есть бунт, протест, ниспровержение – рассматривается как нечто полезное, содержащее зерно прогресса».

Обращаясь к истокам российского революционного движения, Тихомиров четко определяет родство революционеров-радикалов с русскими либералами. Позже эти идеи он разовьет в своей работе «Начала и концы. Либералы и террористы», а пока утверждает лишь, что именно либералы плодят революционеров в России, плодят «не своими ничтожными программами, а пропагандой своего общего мирозерцания». Посему, отвергая идеи революции, Тихомиров, будучи последовательным в выводах, отвергает и идеи либерализма, плюрализма, парламентаризма и т. п. – отвергая следствие, отвергает и причины.

Тихомиров понял еще одну интересную вещь: «Фантазерское состояние ума, обычное во всем среднем образованном кругу нашем, достигает высшего выражения у революционеров... Действительность всецело рассматривается сквозь призму теории... В русском способе мышления (говорю об интеллигенции) характерны две стороны: отсутствие вкуса и уважения к факту, и наоборот: безграничное доверие к теории, к гипотезе, которая радуется, давая кажущееся понимание явлений без утомительного напряжения ума, неизбежного при обобщении фактов».

Патриотическое чувство и русский идеал – с одной стороны, космополитизм революционной идеи и ее стремление к разрушению – с другой. Выстроенная таким образом дилемма дала ему возможность определить, на чьей он стороне. Духовная родина русских революционеров – Европа –

не была его родиной, как не была ей и столь любимая революционерами Россия будущего, в которой не останется ничего русского. Жизнь во Франции и Швейцарии, личные наблюдения, а не голые теории, позволяли Тихомирову сделать правильный и честный выбор в пользу русского идеала, который он понимал как: «не разделение, а союз: союз людей с Богом, Государства с Церковью и братский союз людей между собой».

Его размышления о русской интеллигенции в той же степени справедливы по отношению к современникам Тихомирова, как и к нынешним ее представителям: «Историческая трагедия нашей интеллигенции именно состоит в том, что она, по рассудку, по книжным идеалам своим, оторвана от Отечества, а то внутренней психологии, неистребимо говорящей (душе человека, все-таки связана с тысячелетней историей его. От этого противоречия стала не только бесплодна, но и разрушительна ее работа, которая ей теоретически кажется „освободительною“, практически не освобождает, а только подрывает, разрушает, деморализует народ. Отсюда постепенно растущая неврастеничность самой интеллигенции, отсюда ее легкая решимость на самые страшные преступления... Таким-то образом трагедия алкания добра и свершения зла, стремление освободить русскую личность и русский народ, вместо того, погружение их в деморализацию и порабощение, минутное сознание внутренней нелепости своей работы и припадки сумасшедшей самоуверен-

ности – все это тянется из поколения в поколение во взаимных отношениях интеллигенции и России... И нет из этого исхода до сих пор».

И самое важное в духовном прозрении Тихомирова он постиг, что для русского интеллигента-радикала революция есть предмет веры, поскольку Православная вера потеряна. Сам Тихомиров после длительного перерыва переступил порог храма летом 1888 г., посетив посольскую церковь в Париже. Это был первый шаг к покаянию, трудный шаг. «Я давно туда тянулся... Но я боялся и стыдился. Я – отверженец, я – враг своего народа, – как я пойду сюда... Когда раздалось пение молитвы, мне стало страшно, – я думал, что у меня разорвется сердце. Скажу прямо: с детства я не плакал и не умею плакать, и презираю его. и не верю плачу... Но у меня тут спазмы охватили горло, – мне хотелось упасть и рыдать от горя и счастья, от стыда за свое блужданье, от восторга видеть себя в Церкви...».

Про Тихомирова нельзя сказать: переменял свои взгляды. Ничего он не менял. Своих взглядов, своих собственных, у него до того почти и не было. Было стремление к истине, желание найти правду, справедливость. «Я не отказался от своих идеалов общественной справедливости. Они стали только стройней и ясней». «Я уверовал правдою... Это старинная правда не моя, не такая, которую я бы выдумал, а правда православная в духовном отношении и правда органического развития в политическом».

Он считал, что основы ухода в революцию были заложены в школе, а отход от бунтарства был предопределен родительским воспитанием. «Эти годы воспитания сумели все-таки подарить мне некоторую индивидуальность, которую потом не смог вполне стереть даже поток передовых идей, затопивший наше поколение... Вполне сложившиеся идеи общественного порядка и твердой государственной власти издавна отличали меня в революционной среде; никогда я не забывал русских национальных интересов и всегда бы сложил голову за единство и целостность России».

Вслед за выходом а свет брошюры «Почему я перестал быть революционером» и вызванной этим травлей со стороны революционеров-эмигрантов; Тихомиров в сентябре 1888 г. подает прошение о помиловании на Высочайшее Имя. В декабре он получил прощение и разрешение Императора Александра III вернуться на родину (более 30 ссыльных и 10 эмигрантов, последовавших его примеру, также были прощены). В начале 1889 г. Тихомиров приехал в Россию и первое, что сделал по приезде, – явился ко гробу Императора Александра II помолиться об отпущении своих грехов.

Деятельность Тихомирова-революционера завершилась покаянием. Жизнь Тихомирова-монархиста – с покаяния началась.

3. Искушение

До конца августа 1890 г. Тихомиров с матерью жил в Новороссийске, куда из-за границы прибыла и его се-

мья. В июле состоялось Высочайшее повеление об его освобождении из-под административного надзора, и с сентября Лев Александрович поселяется на постоянное жительство в Москве.

Вторая половина жизни этого незаурядного человека, как мы уже говорили, явилась полной противоположностью первой. Тихомиров предстает здесь перед нами как ярчайший представитель консервативной идеологии, автор многих брошюр и статей, доказывающих разрушительность революционных идей и бесцельность террористических актов, сторонник эволюции. Трибуной его политических выступлений была одна из ведущих монархических и националистических газет того времени «Московские Ведомости», сотрудником, а затем и редактором которой он был.

Наиболее важные и принципиальные статьи, опубликованные на страницах «Московских Ведомостей» и «Русского Обозрения», позднее издавались отдельными брошюрами. Среди них «Земля и фабрика». «Начала и концы. Либералы и террористы», «Духовенство и общество в современном религиозном движении». «Демократия либеральная и социальная», «Конституционалисты в эпоху 1881 года», «Знамение времени Носитель идеала», «Единоличная власть как принцип государственного строения» и др.

Последнее из упомянутых сочинений стало как бы прологом к главному, капитальному труду Тихомирова, вышедшему в 1905 г. – «Монархической Государственности» (автор

сам признается и предисловии, что, где можно, вводит отдельные отрывки из «Единоличной власти...» и свое новое исследование, «при надобности, их перерабатывая».

Необходимо отметить, что, несмотря на высокую оценку и одобрение со стороны высших правительственных кругов (даже обычно сдержанный на похвалы К. П. Победоносцев не преминул выразить свое единомыслие с Тихомировым), его книги не имели широкой читательской аудитории в интеллигентских кругах. Левые не читали их из-за своей политической зашоренности, а правые – в силу излишней уверенности в незыблемости монархического строя в России – полагали излишним давать ему идеологическое обоснование.

Некоторые изменения произошли после революционных событий 1905 г. Растерявшееся общество осознало свою безоружность перед смутой, что заставило вспомнить о Тихомирове как об общепризнанном эксперте и знатоке революционных дел. Лев Александрович стал желанным гостем в правых политических кругах, где к его мнению стали прислушиваться особенно. Вновь стали читать и перечитывать его статьи и книги. Выход в свет «Монархической Государственности» только укрепил авторитет ее автора среди консерваторов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.